

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВОЛЬНОЛЮБИВЫХ СТИХОВ ПУШКИНА КАВЕРИНЫМ И ЩЕРБИНЫМ

Сообщение Л. А. Мандрыкиной и Т. Г. Цявловской

В архиве III Отделения нами обнаружено дело «О показании подпрапорщика Курилова о слышанных им разговорах между майором Кавериным и г. Щербиным. 1828 года»¹. Свидетельства доносчика бросают яркий свет на политические настроения двух близких друзей Пушкина в дни, предшествовавшие восстанию декабристов. Новые документы показывают еще раз, какую огромную жизненную силу несли в себе вольнолюбивые стихотворения Пушкина, как дороги и важны были декабристам и лицам, сочувствовавшим их делу, слова поэта, выразившие мысли самых передовых людей эпохи.

Ценные показания о вольнодумстве Каверина находятся и в деле братьев Критских². Все эти новые материалы углубляют наше представление о незаурядной личности друга Пушкина.

I

Воспитанник Московского и Геттингенского университетов, участник кампании 1813—1815 гг., друг Н. И. Тургенева, Петр Павлович Каверин (1794—1855)³, человек живой и горячий, вернувшись из похода, естественно, оказался среди той части военной молодежи, которая не могла мириться с существующим в России рабством крестьян и отсутствием политической свободы.

Переведенный в 1816 г. в лейб-гвардии Гусарский полк, стоявший в Царском селе, Каверин близко сошелся с учившимся в лицее Пушкиным. Гениальный юноша успел уже снискать среди офицеров полка друзей и поклонников, между которыми были Н. Н. Раевский, П. Х. Молоствов, В. Д. Олсуфьев, И. Е. Меллин, Я. В. Сабуров, П. А. Нащокин, М. Г. Хомутов, П. Д. Соломирский, П. Я. Чаадаев, А. Н. Зубов и др. Отношения Пушкина со многими из этих людей закрепились на всю жизнь. На первом месте надо назвать Раевского и Чаадаева. Дружба Пушкина с Кавериным не была столь глубокой, длительной и постоянной, как с Николаем Раевским. Нельзя, конечно, и сравнивать влияния Каверина на юного Пушкина с силой умственного воздействия на него такого выдающегося мыслителя, каким уже в ту пору был Чаадаев.

Но и Каверин вправе гордиться поэтическими свидетельствами дружбы к нему Пушкина. Ему написано известное послание «К Каверину» (1817) — одно из немногих лицейских стихотворений, внесенных требовательным к себе художником, наряду со зрелыми произведениями, в его позднейшие сборники. Пушкин написал к Каверину и о Каверине еще несколько стихотворений. Тут и экспромт:

Я сам в себе уверен,
Я умник из глушцов,
Я маленький Каверин,
Лицейский Молоствов

— говорящий о том, что прославленный гусар являлся для юного поэта неким образцом. Тут и надпись «К портрету Каверина»:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воетель,
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

Каверин оказывается и среди «юных друзей» в стихотворении «27 мая 1819», он является одним из «рыцарей лихих» «любви, свободы и вина», одним из тех «младых» союзников поэта, для которых «надежды лампа зажжена» («Юрьеву» — «Здорово, Юрьев, именинник!..»). Наконец, ему посвящено несколько слов в «Евгении Онегине» и в стихах, обращенных к Сабурову. Если прибавить к этому те не сохранившиеся «минутной резвости нескромные стихи» (одна из строф дошедшего лишь в виде фрагментов «Нояля на лейб-гусарский полк») ⁴, впечатление от которых Пушкин старался загладить своим посланием «Забудь, любезный мой Каверин...», то насчитывается восемь прямых обращений или упоминаний о приятеле-гусаре в стихах Пушкина. Уже это одно дает право на интерес к этому человеку. А если вспомнить, что Каверин был членом Союза Благоденствия, что среди его друзей и приятелей были такие люди, как Грибоедов, вместе с которым он учился в Московском университете, как Н. И. Тургенев, с которым он дружил со времен Геттингенского университета, как Чаадаев, а может быть и Лермонтов ⁵, то надо сказать, что Каверину принадлежит известное место в истории русской культуры.

Любопытна лаконичная и выразительная характеристика Каверина в черновой редакции «Евгения Онегина»:

К Талон примчались — он уверен,
Что ждет уж там его К<аверин>,
Шалун <?>, политик <?> и поэт ⁶.

Поэтом Каверин был более чем скромным, — Пушкину нравилась, вероятно, самая любовь его к искусству слова, отзывчивость к поэзии.

Каверин был рьяным собирателем подпольных стихотворений Пушкина. Свидетельством тому является его тетрадь, в которую, наряду с афоризмами о нравственности, рабстве и равенстве людей, вошли «Братья разбойники», «Послание Горчакову», «Морю», «Ода на свободу», «Деревня», «Сказки» («Ура! в Россию скачет...»), «Паситесь, добрые народы...», «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), «Омуза пламенной сатиры...», «Послание цензору». По утверждению современников, подкрепляемому и близостью текстов копий Каверина к первоначальным редакциям стихотворений Пушкина, можно думать, что Каверин списывал их с авторитетных копий, полученных от друзей поэта (тетрадь Каверина относится к годам ссылки поэта, когда они лично не встречались) ⁷.

Дружба поэта с Кавериным протекала в годы юности Пушкина, когда Каверин был близок и с Грибоедовым, с которым в эту же пору познакомился Пушкин ⁸. Замечателен характерный эпизод из жизни Каверина, о котором мы узнаем из письма Н. И. Тургенева. С негодованием

сообщая брату Сергею о том, как родственник их, Борис Тургенев, истязал своего старого слугу, Николай Тургенев восклицает: «Сравни же с этим поступок *повесы* Каверина, которому кучер принес 1000 рублей и просил за это свободы. Он ему отвечал, что дал бы ему свои 1000 р. за одну идею о свободе, но не имея денег, дает ему отпускную. В сем последнем поступке нет ничего удивительного для человека благомыслящего, а у нас это редкость»⁹.

Этот рассказ относится к маю 1818 г. Он выразительно рисует облик передового деятеля времени возникновения Союза Благоденствия, в члены которого и вступил Каверин. Имя Каверина как члена Союза

М. А. ЩЕРЕИНИН

Автопортрет, 1820-е гг.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Благоденствия внесено в «Алфавит декабристов», но дело его было «высочайше повелено оставить без внимания», потому что он «не участвовал в тайных обществах, возникших с 1821 года»¹⁰. В 1826 г. Каверину была даже разрешена военная служба, однако без права производства в генералы (как говорит семейное предание)¹¹.

Каковы были в действительности взгляды и настроения Каверина в 1825 г., когда он уже был в отставке, то есть оторван от передовой военной молодежи, выясняется из новых материалов.

Отношения Пушкина с Каверины́м не изменились и в дальнейшем. Так, просьбу о присылке рукописи «Бориса Годунова» в Тифлис Грибоедов обращает в конце 1826 г. через Бегичева к Чаадаеву и Каверину¹². Сохранились и две дружеские записки Пушкина к Каверину, относящиеся к последнему десятилетию жизни поэта (1827 и 1836 гг.)¹³.

Именно в этот период, после русско-турецкой войны 1828—1829 гг., далеко не богатый Каверин пожертвовал значительную сумму для крестьян, переселяющихся из Турции в Россию¹⁴. Этот факт раскрывает политические тенденции демократа и патриота Каверина.

Все прямые и косвенные свидетельства о Каверине воссоздают яркий и привлекательный образ этого человека. Темпераментный, великодушный, верный друг, человек горячего сердца, искристого ума и неистощимого юмора, Каверин привлекал Пушкина и других прежде всего непреодолимой силой личного обаяния. Лежащее же в основе их отношений единомыслие политическое объясняет прочность пронесенной сквозь всю жизнь связи Пушкина с Кавериным.

Прекрасно понимал и Каверин, какого друга подарила ему судьба. Голос искренней печали слышится в его письме к Вяземскому после смерти Пушкина. Трогает в нем и то серьезное чувство ответственности, которое испытывает Каверин, сознавая, что на друзей Пушкина ложится долг донести до потомства неискаженным образ великого поэта: «... Смерть Пушкина поразила меня. Как рано он умер для своей славы! И неужели он не достоин, чтобы о нем кто-нибудь сказал более, чем то, что мы, провинциалы, читали в „Пчеле“ и „Петербургских ведомостях“. Неужели Вы не уделите несколько времени от Ваших занятий — почтить память, смею сказать, бессмертного. Вы знали его коротко и с дурной и с хорошей стороны, а свет во многом порицает его. Мне кажется, что славой поэта неразлучны достоинства нравственные. Шалости — не пороки, а Пушкин много в молодости шалил; неужели современники и потомство только на них оснуют свое мнение о нравственности нашего поэта? Здесь носится слух о какой-то дуэли — неужели он справедлив? Ужасно, если правда. Умоляю, напишите два слова об этом. Вы знаете, что Пушкин мне был близок, и я душевно грущу...»¹⁵.

II

Сведения, которыми мы располагаем о Михаиле Андреевиче Щербинине (1793—1841), довольно скудны¹⁶. Участник Отечественной войны (1812—1815), он входил в состав посольства в Персию, возглавлявшего Ермоловым (1816—1817), сопровождал Александра I в его путешествии 1818 и 1819 гг. С сентября 1819 г. командирован в канцелярию генерал-квартирмейстера Главного штаба, еще дважды переводился в другие военные части и 22 марта 1824 г. уволен со службы «по домашним обстоятельствам».

Он был одним из минутных друзей «минутной младости» Пушкина. Это ему адресовано послание поэта 1819 г. — «Житье тому, любезный друг...». П. Е. Щеголев обратил внимание на то, что «из всего цикла стихотворений <которые он считал обращенными к членам кружка Зеленой лампы> встречаем только одно послание М. А. Щербинину, совершенно свободное от каких-либо политических намеков»¹⁷. Это наблюдение создавало впечатление, что Щербинина не коснулся тот подъем политического сознания, который охватил передовую молодежь конца десятилетия — начала двадцатых годов, что ему безразличны были основные вопросы тогдашней действительности: абсолютизм и рабство крестьян в России.

Казалось, что с Щербининым, «другом забавы», отношения у Пушкина были поверхностными, что их связывали одни лишь легкие спутники «дней младых» — «Амур», «шалости», «вино».

Однако из архивов извлекаются новые данные, которые позволяют пересмотреть установившиеся ранее представления. В недавние годы Литературный музей приобрел альбом Щербинина, в который вписаны стихотворения Пушкина, преимущественно вольнолюбивого характера: «Деревня», «К Чаадаеву» («Люби, надежды, тихой славы...»), «Товарищам» («Промчались годы заточенья...»), «А. Орлову», «Вольность», «На Стурдзу» («Холоп вечанного солдата...»), «Горчакову» («Питомец мод...»), откинутое поэтом первоначальное окон-

чание этого послания «Но я не тот...», «Елизавете» («На лире скромной, благородной...»), «Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...»), «На женитьбу генерал-адъютанта Сипягина», «Черная шаль».

Ценность альбома определяется находящимися в нем двумя автографами Пушкина: посланием «Житье тому, любезный друг...», обращенным к владельцу альбома (с неизвестной дотоле датой — «1819. 9 июля») и стихотворением «Веселый пир»¹⁸.

В альбоме недостает больше половины листов. «Если бы альбом сохранился полностью, — писал М. А. Цявловский, — мы имели бы документ исключительной важности для установления как состава, так и текста политических свободолюбивых стихотворений Пушкина, создавших поэту славу певца освободительных идей и послуживших поводом к ссылке его на юг»¹⁹.

Конечно, одно собрание вольнолюбивых стихов не может еще говорить о свободомыслии собирателя. Так, одним из самых усердных собирателей противоправительственных стихотворений Пушкина был его лицейский товарищ Горчаков, впоследствии дипломат и государственный канцлер, человек никогда, даже в молодости, не отличавшийся вольнолюбием. Но альбом политических стихотворений Пушкина, составленный Щербининым, оказывается лишь одним из звеньев, воссоздающих передовые убеждения приятеля Пушкина.

III

Обращаемся к новым архивным данным — доносам на Каверина и доносу на Щербина.

Доносчик — двадцатилетний юнкер школы армейских подпрапорщиков при штабе Гренадерского поселенного корпуса в Калуге, Порфирий Федорович Курилов, дворянин Орловской губернии (род. в 1808 г.), пасынок владельца крепостного театра в Орле, генерала, графа Сергея Михайловича Каменского, известного своим самодурством²⁰.

После окончания московского пансиона Готвальда (в 1823 или в 1824 г.) Курилов был определен юнкером в 6-й карабинерный полк и поступил в двухгодичную школу армейских подпрапорщиков при штабе Гренадерского поселенного корпуса.

Окончив школу, Курилов вернулся в тот же полк. И когда в 1827 г. в Москве было раскрыто тайное общество братьев Критских, занимавшихся агитацией среди студенчества, солдат и офицеров московского гарнизона, — то среди привлеченных к делу оказался и Курилов. Следственная комиссия, пытаясь установить связи Критских в армии, арестовала Курилова, так как фамилия его была названа Н. И. Лушниковым на допросе 9 сентября. По словам Лушникова, Курилов вел вольные разговоры с членами кружка и говорил Лушникову о полковнике, который «сбирая к себе всякий раз на ужин офицеров и юнкеров, внушает им свободные мысли...». Первое показание Курилов давал 13 сентября, через два дня после того, как был доставлен в Москву²¹. Он сообщил, что говорил летом 1827 г. Шахлареву, одному из участников кружка братьев Критских, о своем знакомстве с отставным полковником П. П. Кавериним. Курилов добавил, что познакомился с Кавериним летом 1825 г. в Калуге, на балу в доме Панина, а на другой день, по приглашению Каверина, был у него «в комнате». Показания свои Курилов закончил сообщением о полученном им от Каверина стихотворении вольного содержания — «Паситесь, вольные народы, вас не разбудит чести клич».

15 сентября, на очной ставке с участниками кружка — Лушниковым и Шахларевым, Курилов вынужден был признать свое знакомство и с

Лушниковым, от которого он отпирался, на допросе 13 сентября, и вольные разговоры, происходившие между ними. Тут же подтвердил он и свой прежний рассказ Лушникову и Шахлареву о полковнике Каверине, который «имеет вольные мысли». Но разговор свой с Лушниковым о том, что Каверин «таковые мысли внушал офицерам и юнкерам», Курилов категорически отрицал. И Лушников и Шахларев показания Курилова подтвердили²².

Однако через двое суток Курилов изменил тактику. 17 сентября он, по собственной инициативе, дал Следственной комиссии письменное показание, в котором сообщил, что в школе армейских подпрапорщиков в Калуге среди юнкеров и преподавателей-офицеров распространялись вольные стихи. «В бытность свою в школе армейских подпрапорщиков при Гренадерском корпусе, находясь за болезнью в госпитале, — писал Курилов, — слышал от приходившего навещать его португей-юнкера 5-го карабинерного полка Павла Лукина» следующие стихи:

Если б вместо фонаря,
Часто гаснувшего от непогоды,
Повесить русского царя,
То возблистал бы луч свободы!..

Стремясь показать Комиссии искренность своего раскаяния, Курилов назвал ряд фамилий юнкеров школы, среди которых, по его сведениям, распространялись вольные стихи. Прочитав показания Курилова, Комиссия сделала заключение, что проступок Лукина не имеет никакой связи с делом Критских, и поручила генерал-адъютанту М. Е. Храповицкому расследование нового дела — «О распространении противоправительственных стихов в школе армейских подпрапорщиков»²³.

В октябре 1827 г. следствие по делу Критских было закончено. По мнению Следственной комиссии, арестованный «юнкер Курилов, — как и многие другие, доселе арестованные, — не принадлежали к Обществу и сокровенных преступных намерений оно не знали, но прикосновенны <...> тем, что, выдаясь с умышленниками, слышали от них, а другие и сами говорили неопозволительное»²⁴.

По представлению Комиссии, утвержденному Николаем I, Курилов был освобожден из-под ареста и возвращен на прежнюю службу.

IV

Прошло около года. 13 августа 1828 г. в III Отделении было получено сообщение из канцелярии петербургского обер-полицмейстера о том, что в петербургский ордонансгауз доставлен юнкер 6-го карабинерного полка Порфирий Курилов. По сообщению правителя канцелярии, Курилов заявил командиру штаба поселенного Гренадерского корпуса, генерал-майору В. О. Гурко, что он хочет открыть генерал-адъютанту Храповицкому государственную тайну. Командир корпуса генерал от инфантерии И. Л. Шаховской распорядился отправить Курилова в сопровождении офицера в Петербург, что и было сделано в тот же день.

С 15 августа начались допросы Курилова в канцелярии петербургского обер-полицмейстера, где он и открыл свою «тайну». Это было продолжение показаний Курилова о Каверине, данных им за год до этого в Москве. Новый донос касался, однако, уже не одного Каверина, но и друга его, Щербинина. По словам Курилова, Каверин и Щербинин вели в его присутствии вольные разговоры и говорили о том, что «скоро желание нашего Союза исполнится». Разговоры эти происходили в августе 1825 г.

в Калуге, в доме помещика Е. А. Панина (куда Курилов был приглашен Кавериним), в присутствии дочерей Панина — княгини Вяземской и генеральши Демидовой. Сопровождались разговоры чтением «преступных» стихов «Паситесь, дикie народы»* и других произведений, содержания которых Курилов не помнил. На другой день после встречи у Панина Курилов по приглашению Каверина был у него дома. Неизвестно, где и когда выдались Каверин и Курилов после этой встречи, но знакомство их не прерывалось. И когда Курилов в сентябре или октябре 1825 г. уехал в Орел, Каверин прислал ему письмо, к которому были приложены стихи Пушкина «Паситесь, дикie народы...». К сожалению, это письмо до нас не дошло.

Выделим самые важные обвинения Курилова:

«Щербинин и Каверин разговаривали про какую-то секту, говоря: скоро желание нашего Союза исполнится, — да к тому же весьма вольно и даже дерзко говорили про правительство, повторяли стихи весьма дерзкие насчет оного, которые я долгом поставляю открыть вашему превосходительству:

Паситесь, дикie народы,
Вас не разбудит чести клич,
Для вас ничто дары свободы,
Наследство вам из рода в роды
Ярмо с гремушками и бич.

Судя по этим стихам и другим такого же смысла, которые находились в портфеле господина Щербинина и кои вероятно и теперь у него, можно заключить, что они имеют какие-либо тайные сношения и злые умыслы.

Так заявлял Курилов в своем первом показании.

15 августа Курилов сообщил на допросе, что им было «замечено» «в городе Калуге, в доме помещика Панина, злоупотребление, заключающееся в каком-то союзе, имеющем, как произнесли отставной подполковник Каверин и г. Щербинин, бывший у г. Панина в гостях, в присутствии княгини Вяземской <...> в непродолжительном времени удачнее свершиться, прочитывая между тем громогласно, с приметною отвратительностью, пасквильные насчет правительства и государя императора сочиненные неизвестно мне кем стихи, последним со слов Каверина выписанные, и из оных, как припомнить могу, то суть следующего содержания: «Паситесь, дикie народы, вас не разбудит чести клич; наследство вам из рода в роды ярмо с гремушками и бич»».

23 августа Курилов раскрыл свою «тайну» на допросе еще подробнее:

«Тайна моя состоит в том, что в бытность мою в корпусной квартире в городе Калуге, я был знаком с майором в отставке Кавериним, который однажды пригласил меня в дом господина Панина; это было в 1825 году, в августе месяце, не могу припомнить которого именно числа; говоря, что к нему приехала из Петербурга сестра его с мужем Щербининим.

Я, будучи в доме г. Панина, был свидетелем дерзких разговоров насчет правительства между г-ном Кавериним и Щербининим, причем были также занимавшие в то время дом г-на Панина дочери его, княгиня Вяземская и генеральша Демидова. Разговор между г-ном Кавериним и Щербининим был следующий: что Россия имеет гнусное и притеснительное правление, не имеет никаких законов, и повторяли даже дерзкие выражения насчет самого государя, в следующих стихах, коих всех вспомнить не могу, начало же оных припомнить могу:

* Пушкинский эпитет к слову «народы» — «мирные», «мудрые» (в черновике — «хладные»), заменяется в распространявшихся записях отрывка эпитетом «добрые», «дикie», «вольные», «русские».

Паситесь, дикие народы,
 Вас не разбудит чести клич,
 Наследство вам из рода в роды
 Ярмо с гремушками и бич²⁵.

По сим стихам заключить должно, что он имеет дерзкие и вольные мысли; господин же Щербинин, коего я не знаю совершенно и в первый только раз видел, по словам его проезжал в город Харьков, где, как говорил, имеет жительство; говорил про какой-то тайный союз, утверждая, что опыи в скором времени совершится»²⁶.

Из этих слов доносчика можно во всяком случае вывести заключение, что он утверждал принадлежность Щербинина и Каверина к какому-то тайному союзу, который в августе 1825 г. предполагал в недалеком времени революционное выступление.

Сообщения Курилова требуют критической проверки.

Путают карты его слова «союз имеет в непродолжительном времени удачнее свершиться». В них кроется недоговоренная мысль: удачнее, чем неудавшееся восстание 14 декабря. Вспоминать о восстании в августе 1825 года Каверин, понятно, не мог. Повидимому, Курилов, знавший (от Лушниковой и Шахларева) о тайном обществе братьев Критских, 1827 года, смешал, год спустя, известные ему данные об этом кружке и воспоминания трехлетней давности о разговоре Каверина с Щербиным.

Путаница эта, однако, ни в какой мере не может поставить под подозрение всего, сообщенного в доносе Курилова. Слишком многие конкретные обстоятельства, изложенные Куриловым, подтверждаются. Так, Каверин в самом деле жил в 1825 г. в Калуге и был подполковником в отставке. Все названные Куриловым лица, которых он встретил у Каверина, — люди, реально существовавшие и находившиеся между собою в том родстве, которое указывает Курилов²⁷. Щербинин, действительно, подолгу жил в своем имении под Харьковом, с тех пор как женился (в 1821 г.) на сестре Каверина, Елизавете Павловне.

То, что все эти сведения, сообщенные Куриловым в доносе, соответствуют действительности, так же как и описание характерных примет обстановки комнаты Каверина, не позволяют отводить рассказа Курилова о посещении им Каверина.

Каверин должен был держать себя свободно в присутствии юнца и не стесняться в выражении своих чувств и мыслей, — едва ли отказался старый член Союза Благоденствия от своей привычной тактики — открыто критиковать власть.

Правдоподобны и показания о Щербинине, извлекающем из портфеля вольнолюбивые стихи. Пылкость этого человека известна. И то волнение, с которым он читал стихи «Паситесь, добрые народы...» («громогласно, с приметною отвратительностию», по словам Курилова), — естественно. Щербинин, очевидно, только что познакомился с этими стихами («выписал их со слов Каверина», который и сам записал их всего за два месяца до разговора в свою тетрадь, «17 июня 825»)²⁸.

Наиболее значительным является сообщение Курилова — о высказываниях Каверина и Щербинина об их «союзе» и о словах их: «скоро желание нашего Союза исполнится». К сожалению, мы не располагаем никакими другими, прямыми или косвенными, доказательствами, подтверждающими или отрицающими это сообщение.

И все же, несмотря на все эти оговорки, при чтении доноса Курилова в памяти всплывают многозначительные слова Пушкина из десятой главы «Евгения Онегина», до сих пор не поставленные в связь с исторической действительностью:

Везде беседы недовольных...
 Узлы к узлам...
 И постепенно сетью тайной
 Россия...

V

Как мы видели, одним из серьезнейших пунктов доноса Курилова было чтение и распространение Кавериним и Щербининим стихов «Паситесь, дикие народы...». Судя по этим стихам, «можно заключить, что они имеют какие-либо тайные сношения и злые умыслы», — говорил Курилов.

Эти стихи уже не раз фигурировали в делах Министерства внутренних дел: еще до организации III Отделения Бенкендорф получил донесение (от 8 марта 1826 г.) своего агента — московского жандармского полковника Бибикова, где, между прочим, было сказано: «Сообщаю здесь стихи, которые ходят даже в провинции и которые вам докажут, что есть еще много людей злонамеренных:

Паситесь, русские народы,
 Для вас не внятен славы клич,
 Не нужны вам дары свободы,—
 Вас надо резать или стричь»²⁹.

Вновь прочитал эти стихи Бенкендорф, а вслед за ним и Николай I, в материалах, изъятых у штабс-капитана 37-го Егерского полка Мозевского, арестованного в Симферополе в декабре 1827 г. по доносу мичмана Дюмутье.

Из всех стихотворений, взятых у Мозевского («Ода на свободу», «Деревня», «Паситесь, добрые народы...» Пушкина и «К временщику» Рылева), Николая I заинтересовали одни лишь стихи «Паситесь, добрые народы...». На запрос о них Мозевский ответил: «Сии стихи я слышал из уст 37-го Егерского полка от подпоручика Малиновского в 1817 году, который умер в 1821 г. Стихи же сии я писал своей рукой, когда еще учился писать, которые помнится мне, что говорил Малиновский, что оные сочинены каким-то Пушкиным».

Ссылка на мертвого сыграла свою роль. Стихи «Паситесь, добрые народы...» подписи не имели. Следствие по этому вопросу было прекращено³⁰.

Как известно, штабс-капитан Мозевский нес караул при сидевшем на гауптвахте в Тирасполе майоре Раевском. Он был обвинен в распространении между офицерами и частными людьми «возмутительных сочинений» Раевского («Послание друзьям в Кишинев», центральные строфы которого обращены к Пушкину, имя которого, впрочем, не названо).

Это позволяет предположить, что стихи «Паситесь, добрые народы...» Мозевский получил от Раевского. Здесь следует напомнить, что эти строки, заканчивающие стихотворение «Свободы сеятель пустынный...» входили прежде в черновое стихотворение «[Мое] беспечное незнание...». А стихотворение это, как уже установлено в печати, вызвано размышлениями Пушкина над горячим призывом Раевского из тюрьмы продолжать борьбу с самодержавием³¹. Это было тогда, когда страстная вера Пушкина в успех революционного дела была подорвана крушением революционных восстаний на Западе. Испанский, пьемонтский и неаполитанский очаги революции были затушены Священным союзом. Реакция распространилась по Европе и России. Арест В. Ф. Раевского,

смещение М. Ф. Орлова и П. С. Пушкина — все эти действия, обезглавившие Кишиневскую управу Южного общества, лишили Пушкина опоры в Кишиневе.

Мысль о преждевременности революционного дела в России, ослабевшего в эпоху реакции 1823 г., посетила Пушкина в эти горчайшие дни упадка духа.

Созданное в это время стихотворение «Паситесь, мирные народы...» и отражает это тяжелое состояние Пушкина в пору реакции 1823 года. Но разочарование поэта выражается в такой яркой картине, оно окрашено таким убийственным сарказмом, что до сознания читателей-современников дошла не безнадежность, которая продиктовала поэту эти стихи, а тот неумирающий дух свободы, который прорывается и сквозь видимое отчаяние.

Облитые «горечью и злостью», стихи эти возбуждали протест у передового читателя, который принимал жестокие упреки поэта на свой счет. Заложенное же в строфах Пушкина чувство презрения к примирившим борцам рождало противодействие, и стихи «Свободы сеятель пустынный...» служили делу революции, как и многие другие произведения великого поэта.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ ЦГИА, архив III Отделения, ф. № 109, 1 экз., 1828 г., д. 360, лл. 1—9.

² ЦГИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. II; ЦГВИА, ф. № 36, оп. 5/848, д. 188.

³ Основные источники сведений о Каверине собраны в книге его внучатого племянника Ю. Н. Щербачева «Друзья Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин». М., 1912. См. также ВД, т. VIII, стр. 322 и кн.: Н е ч к и н а. Грибоедов (по указателю имен).

⁴ «Пушкин в NoёI на лейб-гусарский полк, — писал Каверин в своей тетради, — не прочтя мне, поместил и на мой счет порядочный куплет и, чтоб извиниться, прислал чрез несколько дней следующее послание; — оригинал у меня». После этих слов следует текст послания Пушкина «Забудь, любезный мой Каверин...» (Ю. Н. Щ е р б а ч е в. Указ. соч., стр. 60).

⁵ Каверина имеет в виду Лермонтов в словах об одном из «самых ловких повес прошлого времени, воспомет некогда Пушкиным» («Герой нашего времени». — Л е р м о н т о в. Полн. собр. соч., т. V. М.—Л., 1937, стр. 277).

⁶ П у ш к и н, т. VI, стр. 228.

⁷ Ю. Н. Щ е р б а ч е в. Указ. соч., стр. 64—65. —Тетрадь Каверина известна нам лишь по этой публикации. До нашего времени она не дошла.

⁸ «Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году», — писал Пушкин («Путешествие в Арзрум». Глава вторая. — П у ш к и н, т. VIII, стр. 461).

⁹ «Письма Н. Тургенева», стр. 261 (письмо от 29 мая 1818 г.).

¹⁰ ВД, т. VIII, стр. 90.

¹¹ Ю. Н. Щ е р б а ч е в. Указ. соч., стр. 57.

¹² А. С. Г р и б о е д о в. Полн. собр. соч., т. III. Пг., 1917, стр. 196.

¹³ П у ш к и н, т. XIII, стр. 349; т. XVI, стр. 88.

¹⁴ Ю. Н. Щ е р б а ч е в. Указ. соч., стр. 50.

¹⁵ «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 140—141.

¹⁶ Данные о Щербинине известны из его формулярного списка, впервые использованного Б. Л. Модзалевским в статье «Я. Н. Толстой» («Русская старина», 1899, № 9, стр. 589), а затем в примечаниях к посланию Пушкина Щербинину в Собр. соч. Пушкина, под ред. С. А. Венгерова (т. I, 1907, стр. 528—532). Кроме формулярного списка Щербинина, никаких более или менее значительных биографическо-архивных материалов не было и в распоряжении его внука и биографа — Ю. Н. Щербачева (в названной книге).

¹⁷ П. Е. Ш е г о л е в. Зеленая лампа. — «Пушкин и его современники», вып. VII. СПб., 1908, стр. 23.

¹⁸ Альбом был приобретен (в июле 1939 г.) Гос. Литературным музеем в качестве альбома неизвестного. В настоящее время он хранится в ЦГЛА.

¹⁹ Подготовленная к печати статья М. А. Цявловского «Альбом М. А. Щербинина», где установлено и то, что кроме двух текстов, написанных рукою Пушкина, все остальные тексты написаны рукою М. А. Щербинина. Из той же статьи заимствуем все данные об альбоме.

²⁰ Имя Курилова известно в печати в связи с делом братьев Критских 1827 г. Первый историк этого дела П. А. Ефремов анонимно писал (аноним вскрыт М. К. Лемке в его статье «Тайное общество братьев Критских». — «Былое», 1906, № 6, стр. 41) об этой организации в статье «Братья Критские и их товарищи в Москве», входящей в виде второй главы в публикацию «Рассказы о временах Николая» («Полярная звезда на 1862», кн. VII, вып. I. Лондон, 1861, стр. 98—106).

Перечислив основных членов кружка — Николая Лушников (18 лет) и трех братьев Критских (от 17 до 21 года), арестованных в ночь с 14 на 15 августа 1827 г. в Москве, он называет взятых и посаженных дополнительно, после 16 августа, когда начался разбор дела, и среди них «6-го карабинерного полка юнкера Курилова» (стр. 99).

Несколько больше сказал о Курилове М. К. Лемке: «Тогда же в половине сентября (1827 г.) Лушников оговорил подпрапорщика 6-го карабинерного полка Порфирия Курилова (18 лет) в произношении дерзких слов против правительства и государя, но Курилов совершенно этого не признал» («Былое», 1906, № 6, стр. 44). Лемке сообщает, что «подпрапорщик Курилов (у Лемке ошибочно: Кирилов) признан был следственной комиссией не принадлежащим к Обществу и не знавшим о преступных его намерениях. Почему он не включен в доклад — неизвестно» (там же, стр. 52).

²¹ ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. II, лл. 71—76 об.

²² Там же, лл. 85—86, 90—91 об.

²³ ЦГВИА, ф. № 36, оп. 5/848, д. 188, лл. 197—203 об. и др. — По расследованию оказалось, что стихи эти, кроме юнкера Лукина, знали юнкер Юдин и портупей-прапорщик Гренадерского имени Румянцева-Задунайского полка Шаталов и Вишневу. На докладе начальника Главного штаба И. И. Дибича «О прошествии в школе армейских подпрапорщиков» Николай I наложил резолюцию — простить молодых офицеров «во уважение их молодости». Однако он заинтересовался: «каким образом сии стихи могли столь долго таиться между учениками и не были открыты учителями, что дает повод сомневаться вообще насчет духа в школе армейских подпрапорщиков при Гренадерском корпусе состоящей». Новое следствие по этому делу было поручено главнокомандующему 1-й Армией Ф. В. Сакену.

В октябре 1827 г. были снова допрошены юнкера Лукин и Юдин и прапорщик Шаталов. Последний показал, что стихи эти слышал «за сочинение Пушкина в феврале месяце 1826 г. от проезжавшего из Москвы чрез Кадугу отставного капитана, служившего в Отдельном кавказском корпусе, Дунаевского». На допросах были названы также и фамилии знакомых Дунаевского — офицеров различных гренадерских полков. Делу был дан ход. Допрошенный генералом Храповицким, дворянин Орловской губернии отставной штабс-капитан Дунаевский от обвинения в чтении и распространении стихов категорически отказался. Привлеченные к следствию офицеры гренадерских полков также отреклись от обвинения в получении стихов от Дунаевского. Материалы следствия были направлены Дибичу, который, повидимому, прекратил дело.

²⁴ ЦГИА, ф. № 109, 1 эксп., 1827 г., д. 209, л. 33—33 об.

²⁵ Слова «наследство вам из рода в роды ярмо с гремушками да бич», казалось бы, говорят о крепостном праве (вспомним поэтическую фразеологию Пушкина в самом пламенном антикрепостническом стихотворении его: «склоняясь на чуждый плуг, покорствуя бичам»). Однако эти слова, как мы видим, были восприняты как характеристика царской власти. Для этого были некоторые основания: в известных стихах, пересланных еще в 1822 г. Раевским из тюрьмы друзьям, именно правящая царская династия была обозначена словами: «Над ним бичей кровавый род / И мысль и взор казнит на плахе». Мы знаем, со слов И. П. Липранди, что Пушкин высоко оценил эту убийственную характеристику русского царствующего дома, сделанную Раевским: «Он повторил последнюю строчку, присовокупив: „Никто не изображал еще так сильно тирана: И мысль и взор — казнит на плахе“. Хорошо выражение и о династии: „Бичей кровавый род“, — присовокупил он...» (М. А. Цявловский). Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому. — «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. VI. М.—Л., 1941, стр. 47).

²⁶ ЦГИА, ф. № 109, 1 эксп., 1828 г., д. 360, лл. 1—9.

²⁷ Егор Александрович Панин — капитан-лейтенант флота; Вера Егоровна Демидова, рожд. Панина (1800—1870), третья дочь Е. А. Панина, жена генерал-майора Николая Петровича Демидова; Софья Егоровна Вяземская, рожд. Панина, старшая дочь Е. А. Панина, по первому мужу Тимашева-Беринг, во втором браке жена Н. Г. Вяземского (1769—1846), действительного тайного советника.

²⁸ Ю. Н. Щербачев. Указ. соч., стр. 113.

²⁹ Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором. Л., 1925, стр. 16—17.

³⁰ П. С. Бейсов. Дело Мозевского. — «Ульяновский сборник», стр. 58—73.

³¹ М. А. Цявловский. Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому. — «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. VI. М.—Л., 1941, стр. 41—50; И. Н. Медведева. Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон». — Там же, стр. 51—71.